

ДЖЕЙМС ОЛИВЕР КЕРВУД

Гризли

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82/89
ББК 821.111(73)
К36

JAMES OLIVER CURWOOD
The Grizzly King
1916

Перевел с английского М. П. Чехов

Кервуд Дж. О.

К36 Гризли : [роман] / Джеймс Оливер Кервуд ; [пер. с англ. М. П. Чехова]. — М.; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 172 с. — (Серия «Пальмира — природа»).

На севере Канады, в суровом и безлюдном краю, осиротевший медвежонок Мусква встречает огромного раненого медведя Ти́ра. Их ждут невероятные приключения и открытия, но трогательная дружба поможет преодолеть все опасности. Увлекательный роман Дж. О. Кервуда «Гризли» (1916) повествует о том, как побеждают доброта, верность и мужество.

УДК 82/89
ББК 821.111(73)

© Оформление.
АО «Т8 Издательские
Технологии», 2020

ISBN 978-5-517-01784-0

В этой моей второй книге о животных, которую я предлагаю читателям, есть нечто, напоминающее исповедь. Исповедь и надежду. Исповедь человека, который долгие годы охотился и убивал, прежде чем понял наконец, что дикие животные дают собой гораздо больший материал для захватывающего спорта, чем для простого убийства, — и надежду, что то, что я описываю, сможет хоть сколько-нибудь побудить читателя почувствовать и понять, что величайшее наслаждение на охоте составляет не убийство, а именно возможность предоставить животному жить. Совершенно справедливо, что в необъятных пустынях приходится убивать поневоле, чтобы жить; каждый должен питаться мясом, потому что мясо есть жизнь. Но убивать для пищи — не есть убийство; это совсем не та страсть, которую я никогда не забуду и которая заставила меня однажды в горах Британской Колумбии в течение менее чем двух часов убить четырех медведей гризли, то есть погубить сто двадцать лет жизни всего только в сто двадцать минут. И это только один пример из тех тысяч, в которых я вспоминаю себя, как преступника, потому что убийство ради удовольствия ничем не отличается от самого настоящего убийства. Я задался целью в этих моих скромных книжках хоть чем-нибудь искупить мой грех, и мое искреннее желание состоит не только

в том, чтобы предложить их публике, как интересные романы, но и в том, чтобы сделать себя ответственным за правдивость сообщаемых фактов. Как и у человека, в жизни диких зверей бывают свои трагедии, юмор и пафос; там — факты высокого интереса, именно там вы натолкнетесь на настоящие случаи и на настоящие переживания, которые так и просятся, чтобы их зафиксировали в книгах. В «Казане» я пытался дать читателю представление о моем долгом пребывании среди ездовых собак на Дальнем Севере. В этой же книге я предлагаю мельчайшие подробности из жизни тех диких зверей, которых вывожу героями. Маленький Мусква прожил у меня в канадских Скалистых горах все лето и всю осень. Пипунакус погребен в округе Файрпан-Рэндж, причем мы поставили над ним памятник, точно это был белый человек. Два медвежонка, которых мы выкопали из берлоги в Атабаске, уже издохли. А Тир еще жив, потому что обитает в таких краях, куда не заходит ни один охотник, а мы не смогли убить его только благодаря простой случайности. В июле 1916 года я вновь посетил те места, где жили Тир и Мусква. Я полагал, что с первого же взгляда узнаю Тиру, потому что это был действительно выдающийся во всех отношениях зверь. Так оно и вышло. Что же касается Мусквы, то за два года из маленького медвежонка он превратился в настоящего медведя. Мне приятно вспомнить, что он еще не разлюбил сахар и несколько раз ночевал со мной под одним одеялом; мы вместе с ним охотились на ягоды и корешки и часто забавлялись шуточной борьбой, когда я останавливался на ночлег и разбивал палатку. Но, несмотря на все это, он, по всей вероятности, никогда не простит мне того, что я так грубо бросил его тогда одного, маленького и беспомощного, — но ведь я хотел предоставить ему свободу и возвратить его обратно горам!

Джеймс Оливер Кервуд

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В своих владениях

Молча и неподвижно, точно рыжеватый камень, Тир простоял несколько минут на одном месте и осматривал свои владения. Он не мог видеть далеко, потому что, как и все медведи гризли, имел маленькие, далеко отстоявшие друг от друга глаза и плохо видел. На пространстве трети или половины мили он мог рассмотреть только козу или горного барана, но далее этого весь мир представлял для него обширную загадку, то освещенную ярким солнцем, то погруженную в непроглядный мрак ночи, которую он постигал только с помощью слуха и обоняния. Именно обоняние и удерживало его теперь недвижимо на одном месте. Издалека, с самой долины, до его ноздрей донесся еще неведомый ему запах. Он почуял что-то такое, что было совсем необычно в этих местах и что заставило его как-то странно смутиться. Напрасно его неповоротливый ум старался объяснить себе это явление. Это вовсе не был олень, так как он уже несколько раз загрызал оленя; это не была и коза; не был и баран; это не был запах и жирного, ленивого сурка, гревшегося на солнышке, так как он поедал сурков целыми сотнями. Это было нечто такое, что не возбуди-

ло в нем ни аппетита, ни страха. Он был вообще любознателен, но на этот раз не рискнул отправиться на поиски. Его удержала от этого осторожность.

Если бы Тир мог отчетливо различать предметы на пространстве мили или двух, то и тогда его глаза увидели бы гораздо меньше, чем сейчас он почуял одним только обонянием по ветру. Он стоял на краю небольшой плоскости; под ним, в восьмой части мили от него, развертывалась долина, а над ним, на таком же расстоянии, находилось то ущелье, из которого он вышел сюда только сегодня после полудня. Плоскость эта представляла собой нечто очень похожее на блюдо чуть не в целую десятину, образовавшееся неожиданно на зеленом скате горы. Оно было покрыто богатой, мягкой травой и июньскими цветами: горными фиалками, группами незабудок, дикими астрами и гиацинтами; в центре этого блюда находилось небольшое болотце, по которому Тир частенько любил прохаживаться, когда у него заболели подошвы от голых камней. На восток, запад и на север от него развертывалась удивительная панорама канадских Скалистых гор, обласканных золотым послеполуденным июньским солнцем. Со всех сторон долины, из каждого ее уголка, из ущелий между отвесными вершинами гор, из малейшей расселины в сланцевых скалах, которые доползали почти до самой снеговой линии, до него доносился веселый весенний шум. Это была музыка бежавшей воды. Этой музыкой был насыщен весь воздух, потому что речки, ручьи и потоки, которые образовывались от таявшего снега, находившегося с вековых времен у самых облаков, не переставали течь никогда. Кроме этой музыки, весь воздух был наполнен сладким ароматом цветов. Июнь

и июль — время, которым в этих местах заканчивается весна и начинается лето, уже готовы были сменить один другого. Земля разбухала от зелени; ранние цветы превратили обращенные к солнцу скаты гор в сплошные красные, белые и пурпурные пятна, и все живое распевало по-своему на разные голоса — свирители на скалах, маленькие пышные суслики на своих холмиках, громадный шмель, перелетавший с цветка на цветок, ястреба над долиной и орлы над самыми вершинами гор. Даже сам Тир распевал на свой лад, потому что когда он незадолго перед этим шлепал лапами по мягкому болотцу, то какой-то странный звук вырывался у него из глубины груди. Это было не ворчание от злости или досады; это был звук, который он издавал от удовольствия. Это была его песнь.

И вдруг, по какой-то таинственной причине, в этот удивительный день внезапно произошла для него перемена. Он остановился без движения и долго внюхивался в ветер. В нем он почуял что-то незнакомое, что его не испугало, а просто обеспокоило. Он так же был чувствителен к этому, появившемуся в воздухе, новому, странному запаху, как и язык ребенка, в первый раз почувствовавшего на себе едкую каплю спирта. И вот наконец из его груди вырвалось глухое ворчание, походившее на отдаленный раскат грома. Он был владыкой всех этих мест, и его мозг медленно подсказал ему, что в них не должно было появляться ни малейшего запаха, которого он не мог бы понять, иначе он не был бы в них хозяином.

Он не спеша поднялся на дыбы во всю свою девятифутовую длину и, точно дрессированная собака, стал на задние лапы, а передние, испачканные в тине,

сложил у себя на груди. Ведь целых десять лет он прожил в этих своих владениях и ни одного раза до него не долетало подобного запаха. Этот запах не нравился ему. Он все внюхивался в него, а запах становился все сильнее и ближе. Тир даже и не думал вовсе скрываться. Готовый ко всему и смелый, он вытянулся во весь свой рост. Он казался чудовищем по величине, и его новая июньская шуба отливала на солнце коричневым золотом. Его передние лапы были длиной почти в рост человека; три самых длинных из его пяти, острых, как ножи, когтей на каждой из лап — пяти с половиной дюймов; оставленные им на тине следы были по пятнадцати дюймов в длину. Он был жирен, гладок и могуч. Его глаза, величиной не больше ореха, отстояли один от другого на целых восемь дюймов. Два верхних клыка его, острые, как кончики кинжалов, были величиной с большой палец руки человека, а в пространстве между челюстями у него могла бы легко поместиться шея оленя. Вся его жизнь протекла вдали от человека, и потому он вовсе не был зол. Как и все медведи, он не убивал из одного только удовольствия убить. Из целого стада оленей он выхватывал только одного и доедал его до самого мозга его костей. Это был вполне мирный владыка. Он признавал и для себя самого и для всех других существ только один закон — «оставь меня в покое». Этим законом так и веяло от всей его фигуры теперь, когда он стоял на задних лапах и внюхивался в долетавший до него незнакомый запах.

Своей давящей, массивной силой, властью и одиночеством он походил на горы, с которыми никто не мог соперничать в небесах, так же как и с ним в долинах; с горами он был связан целым рядом ве-